

ТОМСК

Застывший прыжок

Наталья СЕЛИВАНОВА

Редкое и счастливое сочетание сложилось в Томском областном театре драмы — крепкий хозяйственный и талантливый режиссер. И тот, и другой возглавили труппу недавно — год-два назад. Нынешний сезон завершили шесть премьер на Большой сцене и три — на Малой.

Театр начинается с фасада

62-летнего Моисея Мучника в Томске знают все. Юрист по образованию, он возглавлял Дворец зрелищ и спорта в 70-е годы, а с 1983 по 1992 год управлял областной филармонией. Сегодня центр города украшают два новых здания, возведенных при Мучнике, — Большой концертный зал на 1200 мест и Органный зал на 300 мест.

С чего он начал, оказавшись в кресле директора театра? С утепления здания. В театре общей площадью 14 тысяч кв. м температура не превышала 14 градусов. Поскольку дело было в Сибири, смельчаков находилось немного. Достаточно посмотреть в статотчет — в начале 90-х областную драму посещало 37 тысяч томичей, в 1996-м — 112 тысяч, а в нынешнем — уже 150 тысяч. Разумеется, зрителя в театре привлекает не только и не столько фасад. Но в буквальном смысле слова театр начинается именно с него. По сравнению с затянувшейся реставрацией областного художественного музея, скорость капитального ремонта в областной драме впечатляет. С приходом Мучника бюджет театра в dotационной части возрос с 800 миллионов рублей в 1994-м до 2 миллиардов 812 миллионов рублей в 1996-м. В этом году администрация области выделила 2,3 миллиарда только на ремонтные работы, и этого вполне достаточно, чтобы закончить намеченное. Личный авторитет директора, его деловые связи, умение обособовать финансирование (создана Малая сцена "Мировая классика и современность" на 100 мест, приобретена новая светозвуковая аппаратура, планируется замена пола Большой сцены, разработка станкового модуля и многоскоростной системы сцены) импонируют и губернатору Томской области В.Крессу, и членам Попечительского совета. Последние помогают не столько деньгами, сколько лоббированием при утверждении бюджета театра.

Директору пошли навстречу и при составлении расширенного штатного расписания. Теперь зарплата артиста складывается из его основной ставки, участия в литературном театре и на Малой сцене плюс балльная система в случае устойчивой популярности спектакля или артиста. Фонд материального поощрения, образованный от аншлаговых продаж билетов в Большой зал, призван финансировать эту систему,

наконец выплачивается обязательная для всех томичей 30-процентная региональная надбавка. Таким образом, в труппе, состоящей из 36 человек, актер низшей категории получает 780 тысяч рублей, ведущий — до 2 миллионов. Это, так сказать, "материальный базис". Но главное все-таки "эстетическая надстройка".

В пространстве риска

Да, все новое — это хорошо забытое старое. Причем, забытое настолько хорошо, что в некоторых театрах давно научились, говоря на жаргоне, "мастерить". Наш язык невероятно богат на оттенки. Ремесло — это хорошо. Ремесленничество — мало достойно. Именно с этой проблемой столкнулся в Томской драме Юрий Ильин, где он заканчивает свой первый сезон. Юрий Александрович с горечью говорит об умении взрослых людей играть без профессии. Главный режиссер Томской областной драмы прежде возглавлял театр в Комсомольске-на-Амуре, а до того работал главным в Казани в Большом драматическом театре им. Качалова. Выпускник театрального училища в Казани и Театрального училища им. Щукина в Москве требовал к достоверности творческого самочувствия актера, ясного понимания им предлагаемых обстоятельств считает главным. "Чистота в профессии — это возвращение к школе, — утверждает Ю.Ильин. — Возвращение к школе — значит видеть, слышать, понимать. Качества, необходимые для функциональности в профессии. Зрителя не удержишь сегодня игрой вполсилы, невнятной символикой. Он должен точно понимать и чувствовать, что конкретно с вами происходит на сцене".

Можно сказать, что в основе эстетической программы театра — безупречный литературный вкус и нетривиальные сценическое воплощение мировых шедевров. Этот путь не может быть усыпан розами. Случается всякое: неудачная постановка, высокомерие критики... Но зритель приветствует работы этого режиссера. Так было во всех театрах, куда приглашали Ильина. Он и в Комсомольске задумывался о больших и серьезных вещах — ставил "Дядю Ваню" Чехова, "Плод" Мрожека, "Короля Лира" Шекспира. В следующем сезоне он намерен осуществить постановку "Ричарда III", рассчитанного на главного исполнителя, великолепного актера В.Варенцова; "Горбуна" Мрожека, "Черного пса" Пригова и инсценировку по прозе Набокова. В контексте этой программы очень важен контакт со зрителем, поиски его нестандартных форм. Так появились мастер-классы, которые проходят на Малой сцене и куда свободно продаются билеты.

Зрителю не объявляют, свидетелем какой истории он станет в этот вечер. Пьеса оговаривается лишь с артистами, хо-

тя в идеале и они не должны знать, какой материал будут разбирать. Актеры читают вслух, вместе с режиссером определяют исходные события, изменяют обстоятельства, идут наперекор общепринятому в данном материале, к чему так склонен Ю.Ильин, и собственно репетируют. Иными словами, люди по ту и другую сторону рампы общаются к таинству создания театра.

Поистине бесстрашие отличает этого 39-летнего режиссера. Знает, насколько выигрышнее было бы ставить "Самобийцу" Н.Эрдмана, а берется за "Мандат" (лучший, с моей точки зрения, его спектакль в Томской драме). Многонаселенная пьеса, привлекающая постановщика словесной пикировкой, парадоксальным юмором и стихотворным ритмом, не отпускает режиссера ни на минуту и после завершения репетиционного периода. Спектакль достойно обживает Большую сцену, а Ильин словно продолжает оставаться в пространстве риска. Его что-то не устраивает, что-то тяготит. И хотя в алгебраически выверенной роли Гулячкина артист А.Сидоров не всегда ограничен, с моей точки зрения, актер, особенно в коротких эпизодах (Г.Непорожнева), выглядят ярко и запоминающе. Служенный артист России А.Пермяков, занятый в "Мандате" в роли Автонома Сигизмундовича, и в этой премьере, и в "Персидской сирени" по пьесе Н.Коляды, добился удивительно точного попадания в образ. В "Персидской сирени" Ильин сознательно пожертвовал элементами буффонады, постановочными эффектами. Идея невозможности будущего для двух героев продиктовала очень жесткую модель существования актеров. Г.Непорожнева работает предельно честно, но, увы, временами рисунком ее драматической роли пробивает травестийное амплуа.

Мужская проза

Еще о двух премьерах режиссера Ю.Ильина хотелось бы упомянуть. Это рассказы в лицах "Верую!" (по произведении В.Шукшина) и постановка притчи ныне забытого писателя, после Октябрьского переворота эмигрировавшего в Прагу, а потому в СССР упорно не издававшегося В.Чирикова. "Колдунья", помимо энергетически мощного исполнения роли Мельника (В.Варенцов), поражает невероятно деликатным режиссерским решением главной темы — язычество и христианство. Ведь дело в том, что все мы в поисках духовной опоры непременно отталкиваемся от древней культуры, люта и называли и варварской, доцивилизированной. Привороты или нашествия, дурной глаз или поверья, приметы или вещи сны сопровождают жизнь всякого, кто мало-мальски склонен к самонализу. Люди вслушиваются в "языческие" знаки окружающей жизни и таким способом в том числе пытаются объяснить свое место в мире.

Спектакль "Верую!" был встречен местной публикой с особой благодарностью. Главное достоинство этой постановки, на мой взгляд, то, что Шукшин здесь впервые трактуется как, фигурально выражаясь, мужской писатель. Он не сочинял про идиотов, чудаков и уродцев. Он говорил о мужских судьбах, отдавая себе отчет в том, что эсхатологические последствия большевизма не могли не сказаться на биологическом и духовном генофоне нации. Уничтожались лучшие. Пренебрегали лучшими. И в большинстве своем это были мужчины. Как нам избавиться от "наследия мрачных времен"? С помощью ли веры Господней, с помощью ли веры во всемогущество материальных ценностей, с помощью ли твердой веры в собственное благообразие и достойное предназначение? "Каждый выбирает по себе..."